

АРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ (ГЛУХАРЕВ), ОСНОВАТЕЛЬ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ (†1847)

Знаменитый алтайский миссионер, с полным основанием названный апостолом Алтая, архимандрит Макарий (в миру Михаил Яковлевич Глухарев) был воспитанником Глинской пустыни и достойным учеником ее настоятеля игумена Филарета (Данилевского).

Жизни и подвигам архимандрита Макария посвящено немало статей и отдельных трудов. Составлено несколько подробных жизнеописаний этого подвижника. Однако основное внимание в них уделено его деятельности на Алтае, тогда как огромное влияние на жизнь о. Макария оказало его пребывание в Глинской пустыни под руководством настоятеля о. Филарета, благодаря которому он возрос духовно и стал носителем Божественной благодати. Глубоко восприняв духовные традиции Глинской пустыни, о. Макарий воплотил их в своей последующей жизни. До конца своих дней он имел духовное единение с Глинскими иноками как с чадами и подражателями подвигов и жизни общего их наставника — игумена Филарета.

Особенно подробно о духовной связи о. Макария с Глинской пустыней написал Глинский инок Михаил Кузьмин в жизнеописании игумена Филарета (Одесса, 1905. С. 46—54). Выдержки из этой книги, дополненные документами об о. Макарий, приведены ниже после краткой биографии о. Макария.

Архимандрит Макарий родился 8 ноября 1792 г. в городе Вязьма Смоленской губернии. Его отец Иаков Глухарев, священник Введенской соборной церкви, и мать Агапия пользовались большой любовью вязьмитян за свою благочестивую христианскую жизнь. В восьмилетнем возрасте Михаил поступил в Вяземское духовное училище, а затем в Смоленскую духовную семинарию.

Окончив курс учения в Смоленской семинарии, он начал службу преподавателем в той же семинарии. В 1814 г. Михаил поступил в Петербургскую духовную академию. На благочестивого и талантливое Глухарева обратил внимание ректор академии архимандрит Филарет (Дроздов), который сохранил доброе расположение к своему ученику до конца своей жизни. По воспоминаниям и отзывам академических товарищей Михаила, он был один из самых даровитых студентов и, кроме того, — при крайней живости, подвижности и некоторой восторженности в характере — отличался между товарищами изяществом и манерами благовоспитанного светского юноши. После окончания академического курса со степенью магистра в 1817 г. Михаил послан был в Екатеринославскую семинарию на должность профессора и инспектора. Здесь он 24 июня 1818 года принял монашество с именем Макарий. В 1821 г. о. Макарий был переведен в Костромскую семинарию ректором и в то же время возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Костромского Богоявленского монастыря. Однако в Костроме он был недолго. В 1824 г. о. Макарий совсем оставил духовно-училищную службу и жил на покое сначала в Киевской Лавре, потом в Китаевской пустыни

(Киевской губ.) и наконец в Глинской обители.

"Не удивительно учиться неопытному у опытного, неученому — у ученого, но удивительно, когда опытный и ученый человек идет под начало учиться у неученого и младшего себя саном. Это случилось с отцом Макарием. Он, блистательно окончивший Духовную академию, хорошо изучивший языки: греческий, латинский, еврейский, немецкий и французский, магистр богословия, бывший ректор Костромской духовной семинарии и настоятель Богоявленского монастыря, профессор богословских наук, в сане архимандрита переходит в бедную глухую Глинскую пустынь, под руководство неученого, но опытного отца Филарета. Какая великая редкость не только в настоящее, но и в религиозное время! Не имей отец Макарий ранее наставников на путь спасения, такой подвиг его не выходил бы из ряда обыкновенных. Ученый архимандрит, если бы и прежде не имел духовного руководства, сам мог руководить себя по учению святых отцов, однако он пожелал руководства "благочестивого наставника и опытного в духовной аскетической жизни старца Филарета", пожелал руководства, когда с молодости и до последнего времени постоянно был под руководством: сначала у своего благочестивого родного отца — священника, потом, в С.-Петербургской духовной академии у отца ректора архимандрита Филарета (Дроздова), впоследствии незабвенного митрополита Московского, которому "открывал свои помыслы и без воли его ничего не начинал". В Екатеринославе, в должности инспектора духовной семинарии, отец Макарий имел старца Ливерия, "человека святой жизни, ученика знаменитого Паисия Величковского". Перейдя в Кострому на должность ректора семинарии, он должен был сам руководить других, но, привыкший всегда находиться под духовным руководством, о. Макарий хотел быть лучше руководимым, чем руководителем. Истинно хотящий спастись, он вполне понимал значение слов св. Иоанна Лествичника, который говорит: "Обманулись все те, которые, предавая себя Богу, подумали, что не имеют нужды ни в каком руководителе, ибо кто без помощи наставника вступает в борьбу с духами злобы, тот бывает ими умерщвлен" (4-е слово "Лествицы"). Сознывая свои немощи, о. Макарий сам себя спрашивал: "Не нужно ли основательнее воспитать самого себя, прежде чем приносить духовную пользу другому?" Ибо нет пользы изучать науки, если душа не будет иметь доброй и богоугодной жизни. В свой "Лепте" отец Макарий писал: "Как плоды худого дерева Худые только могут быть, Как сладких вод нельзя излить Источнику, который солон; Так я, который в корне полон греха и во грехе зачат, нечист в своем плотском рождении, никак сам не могу быть свят, чтоб быть со Всесвятым в общении".

Часто благочестивый архимандрит говаривал: "Ах, как бы мне местечко такое, чтобы я знал только самого себя!" Душа его рвалась к внутренне-духовным подвигам, где-либо в тиши мирной обители под руководством опытного наставника. Узнав об опытно-благочестивой жизни настоятеля Глинской пустыни старца Филарета, Макарий с разрешения Святейшего Синода переселился туда в декабре 1825 года (Отец Макарий мог лично познакомиться со старцем Филаретом, когда последний в 1825 г. был в Киеве). "Я хотел среди Глинских братии знакомиться с искушениями, свойственными монашескому общежитию", — писал Макарий. Насколько Глинская пустынь удовлетворяла аскетическим стремлениям этого великого мужа, можно судить по его восторженному отзыву о ней: "Это школа Христова, это одна из светлых точек на земном мире, в которую, дабы войти, надлежит умалиться до Христова младенчества".

В тишине этой "школы Христовой" о. Макарий, изнуряя тело свое воздержанием и

постом, "глубже всматривался в тайники своей души, беспристрастно разузнавал свои недостатки, обозревал еще неумерщвленные гнездящиеся страсти и, "ничтоже сумняшеся", исповедовал их опытному настоятелю (Поступив в Глинскую пустынь, архимандрит Макарий написал игумену Филарету подробную исповедь своей жизни, начиная с 10-летнего возраста). Ему предал себя, дабы сокрушить прежде всего своеволие, — "эту медную стену, отлучающую душу от истинного просвещения", и навыкнуть Христову послушанию, которое он называл "врачебным кровопусканием, в котором душа очищается от черных, нечистых и гнилых кровей своеволия и глупости". С сокрушенным чувством собственного бессилия, с надеждой на милосердие Божие стал сходить он в "слезную юдоль смирения" (Следуя назиданиям и советам иеромонаха Филарета, о. Макарий, в сане архимандрита, проходил с терпением и смиренномудрием степени послушания).

Как некогда отец Филарет в безмолвии пустынной келлии Софрониевой пустыни исключительно посвятил себя подвигам и изучению святоотеческих учений, так отец Макарий в Глинской пустыни "готовился из любви к Богу к войне со своими страстями, миром и диаволом". Он разузнавал силы и козни врагов, способы борьбы с ними по святоотеческим писаниям; с увлечением зачитывался "Добротолюбием", содержащим "словеса и главизны священного трезвения", и полными сочинениями святых отцов. Кроме святоотеческих писаний, он читал все, что доставляла лучшего тогдашняя богословская литература, русская и иностранная. Но особенно он зачитывался Священным Писанием, куда, как к своему источнику, отсылали его и святоотеческие и богословские руководства. Прекрасное знание языков способствовало всестороннему пониманию им слова Божия, глубокому уяснению тайн домостроительства нашего спасения. Как отец Филарет всякое свое слово подтверждал Священным или отеческим писаниями и только то считал верным православным, что имело правильное основание на указанных писаниях, так и отец Макарий, неустанно читая и проникаясь глаголами жизни вечной, изобильно вселил в себя слово Христово, старался им мыслить, чувствовать, говорить, Священное Писание считал "хлебом своим насущным". Его сочинения и особенно письма исполнены знанием Писания и испещрены текстами. Собственные выражения подвижника близко подходят к подлинному слову Божию; не изучавшему писаний выражения его можно принять за самое Священное Писание, так они дышат истиной, глубиной, верой!.. Он "бывал в таком расположении души, что, будучи проникнут, с одной стороны, молитвенным духом, с другой — глубоким чувством непритворного смирения, ничего не хотел больше написать в утешение и назидание своим доброжелателям, как только слова Священного Писания, приличные их состоянию".

Кроме подвигов монашеских, отец Макарий в Глинской пустыни, преимущественно по праздникам, общепонятно и убедительно говорил в храме поучения, а в келлии переводил Библию с еврейского языка на русский (Потом Макарий перевел Священное Писание на наречие сибирских инородцев).

(Оптинский старец иеросхимонах Макарий (Иванов) писал святителю Игнатию (Брянчанинову, тогда еще архимандриту), что, находясь "в Глинской пустыни на уединении", архимандрит Макарий (Глухарев) переводил "Лествицу" на русский язык... намерение его было издать оную...". Одновременно он сравнивал уже существующие переводы "Лествицы" Лучшим о. Макарий признал перевод старца Паисия (ОР ГБЛ, ф. 214. ОПТ-384, л. 58 об).

В Глинской пустыни архимандрит Макарий перевел на русский язык также беседы св.

Григория Двоеслова и "Исповедь" блаженного Августина.

Кроме того, в 1829 году архимандрит Макарий составил рукописное описание Глинской пустыни, большая часть которого состояла из описания жизни настоятеля обители о. Филарета (Данилевского). Сведения, содержащиеся в этом первом жизнеописании о. Филарета, безусловно, были известны самому отцу настоятелю, поэтому оно представляет особую ценность и было использовано при составлении последующих жизнеописаний игумена Филарета.

Чтение Священных и святоотеческих писаний само собою вызывало дух Макария на теплую молитву и призывание имени Спасителя. На самоотвержении, покаянии, чтении Священных и святоотеческих писаний и на молитве, а более всего на "слезном смирении" отец Макарий при помощи Божией усиленно стремился созидать в себе нового человека в правде и преподобии истины (По словам Дмитрия Дмитриевича Филимонова, известного исследователя жизни о. Макария, "Глинская пустынь была для о. Макария последней пристанью, где он наконец нашел все, что искал, чтобы подготовиться к высокому и трудному подвигу миссионера). Молитва подвижника могла тогда выразиться его же стихотворением:

"Освободи меня, мой Бог,
От уз греха, чтоб я возмог
О правде возглаголать вечной,
О вере во Христа сердечной!
Пошли мне в помощь благодать;
Уста мои отверзи, Слово,
О сердце! Сердце! Будь готово
Хвалу Господню возвещать".

И просьба его услышана. В 1828 г. тогдашний архиепископ Тобольский Евгений (Казанцев), получив Синодальный указ об учреждении миссии "в стране Сибирской", искал способных и достойных лиц, могущих занять должность миссионера. Весть об этом достигла о. Макария весьма знаменательным путем. Однажды он сидел в своей холодной келлии между печью и стеной за письменной работой. В это время к нему входит странник Мартин Андреевич Атлас, бывший католик, принявший православие и странствующий по святым местам. Этого человека отец Макарий знал и относился к нему с глубоким уважением.

— Что, отец Макарий, — сказал Атлас, — забился и сидишь тут в темноте? Ты человек просвещенный, тебе надобно других просвещать, а ты засел здесь в темноте. Иди проповедуй Евангелие сибирским язычникам: вот Святейший Синод ищет такого человека.

Небесным призывом отозвались слова странника в душе отца Макария; показать путь спасения темному, угнетенному нищетой и невежеством люду являлось, очевидно, незаменимым и неожиданным средством отдать свои силы полезному и спасительному служению на благо ближнему, на деле обнаружить ту любовь к человеку, которая переполняла сердце отца Макария. Не обращая внимания на очень слабое и недужное свое тело, он "с благословения о. Филарета просил у Святейшего Синода разрешения на подъятие миссионерских трудов. Разрешение не замедлило последовать. 5 июня 1829 г., напутствуемый старцем Филаретом, отец Макарий выехал из Глинской пустыни, в которой у него окончательно выработался аскетически-созерцательный характер, сказавшийся во всех

произведениях и во всей жизни его. Особенно ясно отобразился в нем богобоязненный, смиренномудрый, нестяжательный и деятельно-духовный "незабвенный авва" Филарет (Отец Филарет вел переписку с о. Макарием и подарил ему на память требник с собственноручной надписью: "1829 г. июня 5 дня. Усердствует в любви о Господе требник сей о. архимандриту Макарию, в память о его любви к обители нашей. — Глинской Богородицкой пустыни строитель о. Филарет").

По примеру Глинского общежития подвижник-миссионер устроил общежитие для братства вновь учрежденной Алтайской миссии, а духовное влияние этой "школы Христовой" он перенес на инородцев Сибири, которых не только обратил ко Христу около 700 человек, но и научил истинному благочестию, посему по всей справедливости может называться апостолом Алтая. Он с полным самопожертвованием провел 14 лет (1830—1844) в великих трудах апостольского служения, как светильник сиял словами истины, примером строгого благочестия, чистоты, многообразными делами милосердия, мудростью духовной, истинной любовью к ближним и к погибающим, даром прозрения и прочими добродетелями. Всем этим он положил твердое основание вере Христовой среди алтайцев. К 1897 г. из 35 тысяч алтайцев 20 тысяч приняли христианство (О неразрывной духовной связи о. Макария с Глинской пустыней свидетельствуют его слова: "Всегда сохраняю утешительную память моего пребывания в его (Филарета) обители, опытных наставлений его и отеческих благотворении и собираюсь писать к нему").

После усиленных миссионерских трудов слабое здоровье отца Макария совершенно расстроилось. В 1844 г. он оставил миссию, получив в управление Волховский Троицкий монастырь Орловской губернии, где в 1847 г. блаженно скончался.

Последние слова великого подвижника-миссионера могут служить девизом миссионеров. Уходя с земли к незаходимому свету Христову, он сказал: "Свет Христов просвещает всех!"